

В. А. Лаврентьев

Дейктический аспект категории синтаксического лица

В статье рассматривается дейктическое значение объективного плана реализации категории синтаксического лица; выявляются основные и вспомогательные средства репрезентации дейктической семантики; вводятся понятия «субъектное обращение» и «несубъектное обращение».

Ключевые слова: синтаксическое лицо, дейксис, субъект, говорящий, собеседник, обращение.

V. A. Lavrentiev

A Deictic Meaning of the Syntactic Person Category

The article examines a deictic meaning of the objective plan of realization of the syntactic person category; the basic and supplementary means of representation of deictic semantics are defined; concepts of "subject allocation" and "non-subject allocation" are introduced.

Keywords: a syntactic person, deixis, a subject, a speaker, interlocutor, allocation.

Синтаксическое лицо – многоаспектная категория объективно-субъективного характера: объективный план отражает те или иные отношения без указания на то, как они воспринимаются говорящим, а субъективный – репрезентирует точку зрения говорящего на объективно устанавливаемые отношения. В объективном плане основным значением синтаксического лица является дейктическое («дейктический – указывающий, выделяющий, дифференцирующий посредством соотнесения с лицами и предметами, находящимися в том или другом отношении к говорящему лицу» [1, с. 126]), которое присуще всем предложениям русского языка, так как зиждется на противопоставлении говорящего (1-е лицо) и собеседника (2-е лицо) или на отсутствии этого противопоставления (3-е лицо) [4, с. 246]: ...в час двадцать **я** тебе на этот пейджер **позвоню** (говорящий). Когда **он** запищит (3-е лицо), **снимишь** его с пояса и со значением на него **посмотришь** (собеседник). Все время, пока клиент **будет говорить** (3-е лицо), **делай пометки** в блокноте (собеседник) (В. Пелевин).

Если грамматический субъект вербализован, лицо представляется конкретно как 1-е, 2-е или 3-е (в зависимости от способа выражения подлежащего): **Я** пока пару звонков сделаю (В. Пелевин); Только **ты** скажи, чего **ты** хочешь? (В. Пелевин); Потом **он** [Татарский – В. Л.] стал врать друзьям, что **отец** назвал его так потому,

что увлекался восточной мистикой и имел в виду древний город Вавилон... (В. Пелевин).

При невербализованном грамматическом субъекте (на «идею субъекта» указывает глагольный предикат) синтаксическое лицо представляется определенно (1-е или 2-е): Про «Парламент» ничего не **скаж-у** – хорошо; **Вед-и** себя естественно. Но **не говор-и** лишнего (В. Пелевин); неопределенно (3-е): Это из кавказского землячества **звон-ят** (В. Пелевин); Если бы в те далекие годы ему **сказал-и**, что он, когда вырастет, станет копирайтером, он бы, наверно, выронил от изумления бутылку «Пепси-колы» прямо на горячую гальку пионерского пляжа (В. Пелевин) или обобщенно (то есть любое): ...в бизнесе никогда не следует проявлять поспешности, иначе сильно сбавляешь цену, а это глупо (В. Пелевин); А потому что в Нью-Йорке это понимаешь, а в Москве нет... (В. Пелевин).

При полном устранении грамматического субъекта (негативное выражение синтаксического лица) возникает грамматическая безличность [7, с. 214]: ...и светает поздно, и темнеет рано... (А. Рыбаков); Нет сейчас жизни русскому человеку (В. Пелевин). Главный член в безличных предложениях не содержит (и не может содержать!) указаний на 1-е и 2-е лицо, то есть не противопоставляет говорящего собеседнику.

Во всех рассмотренных нами случаях средства выражения лица входят в грамматическую ос-

нову предложения, однако предикативное значение лица может дополняться непредикативными, «в результате чего формируется целостное персональное содержание высказывания» [7, с. 212].

Г. А. Золотова отмечает, что «синтаксическая интерпретация категории лица предполагает признание определенных форм косвенных падежей средствами обозначения субъекта» [5, с. 34]. В этом случае следует четко различать грамматический и семантический субъект. Семантический субъект может выражаться как именительным (в этом случае он совпадает с грамматическим субъектом), так и косвенными падежами, то есть может занимать и зависимую синтаксическую позицию. Благодаря наличию в структуре (а нередко в контексте или речевой ситуации) большинства безличных и инфинитивных предложений семантического субъекта их содержание также соотносено с говорящим, собеседником или 3-им лицом: *Так я тебе скажу, что мне и перестраиваться не надо было* (В. Пелевин); *И если тебе удастся заигнотизировать клиента, ты берешь десять процентов от общей стоимости ролика* (В. Пелевин); *...разработчик как бы объяснял очень богатым людям, как им жить дальше, и просил дать ему за это немного денег* (В. Пелевин). В связи с этим безличные и инфинитивные предложения можно разделить на определенно-субъектные: *Крутанись, не мне тебя учить* (В. Пелевин); *Степа понял, что прокололся, и вывернуться будет тяжело – придется рассказывать про Лебединку, и непонятно, как обернется дело...* (В. Пелевин); неопределенно-субъектные: *Ты чего, в Нью-Йорке полжизни кладут, чтобы только с правильными людьми встретиться за обедом, а у нас...* (В. Пелевин) и обобщенно-субъектные: *Костров не жечь!* Мы используем термины определенно-, неопределенно- и обобщенно-субъектные безличные и инфинитивные предложения, чтобы не смешивать их с традиционно выделяемыми определенно-, неопределенно- и обобщенно-личными односоставными предложениями. К тому же сочетания типа «определенно-личное безличное предложение», на наш взгляд, алогичны.

Лишь небольшая часть безличных предложений, которые выражают семантику состояния или изменения состояния природы, являются абсолютно бессубъектными: *В ларьке было полутемно и прохладно, как в танке...* (В. Пелевин) и т. п. Сказанное еще раз подтверждает справедливость мысли А. М. Пешковского о том, что «тер-

мины «безличный» глагол и «безличное» предложение очень неточны...» [6, с. 343].

Дейктическое значение 1-го и 2-го лица выражается в предложении личными и притяжательными местоимениями и/или спрягаемым глаголом: *Проклинаю миг, когда фотографу потрафил, Ведь теперь я думаю, когда беру мячи: Сколько ж мной испорчено прекрасных фотографий! – Стыд меня терзает, хоть кричи* (В. Высоцкий); *Ты же знаешь мой темперамент!* (Б. Акунин), *Но ты прав: тебе лучше уйти* (Б. Акунин); *Твоя задача – передать отправленный им груз в Москву, известному тебе адресату* (Б. Акунин).

Особым средством репрезентации дейктического значения 2-го синтаксического лица являются обращения: *Скажите-ка, как вас, Семен Семенович, вы ведь, кажется, примерный отец?* (Б. Акунин).

А. М. Пешковский, отрицавший грамматическую связь обращения с каким-либо членом предложения, писал: «...вещественно [то есть по смыслу. – В. Л.] обращение может быть теснейшим образом связано с остальной речью. Однако формально основная его роль побуждения... не дает ему возможности вступить с каким-либо членом предложения, при котором оно стоит, в связь согласования, управления или примыкания, и оно остается, какой бы распространенности оно ни достигало, посторонней для данного предложения группой» [6, с. 407–408]. Авторы же «Русской грамматики» отмечают, что «обращение не является таким распространителем, который никак не связан с остальным составом предложения. Такая связь существует» [3, с. 163–164]. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в ряде случаев род и число предиката зависят от рода и числа имен существительных, которые выступают в функции обращения: *Не твори, Федот, разбой, А возьми меня с собой* (Л. Филатов); *Ну, Ленечка, с чем пожаловал?* (М. Веллер). По мнению В. В. Востокова, «в этих случаях есть основание видеть если не грамматическую связь – согласование, то, по крайней мере, аналог этой связи» [4, с. 239]. В то же время частотны конструкции, в которых обращение не вступает ни в какие грамматические связи с остальным составом предложения: *Забавно, Ленишунька, этим я еще не занимался* (М. Веллер); *Господин инженер, прибыл в ваше распоряжение* (Б. Акунин).

Учитывая отмеченные особенности, мы считаем возможным выделение двух типов обраще-

ний: субъектные и несубъектные. В тех случаях, где обращение называет лицо, которое является субъектом по отношению к процессу, названному предикатом, мы имеем дело с субъектным обращением: *Жорка, перестань хулиганить!* (М. Веллер); *Прочь пошла, дура! Мало, знать, я тебя колотил, коли ума не вбил!* (А. Иванов). Именно в подобных предложениях обращение «диктует» определенную грамматическую форму глаголу (числа и/или рода) и вступает с ним в связь, подобную согласованию. Обращение, называющее лицо, которое не совпадает с предикативным субъектом, мы называем несубъектным: *Тань, я с этим паспортом валандалась три недели. И теперь что – заново начинать, следующий оформлять?!* (Т. Устинова). В таких случаях обращение грамматически не связано с остальным составом предложения.

В качестве выразителя дейктического значения синтаксического лица обращение сходно с личным местоимением 2-го лица, поскольку в конкретном предложении говорящий тем и другим способом обозначает лицо слушающее, адресата речи, то есть собеседника.

Основным средством выражения обращений в русском языке являются личные существительные: *Поедем, мама. Поживешь у нас, увидишь внуков, с невесткой познакомишься... у нас уже тепло* (М. Веллер); – *Доченька, я хотела... – начала Елена говорить, но не заканчивала фразы* (Л. Улицкая), однако функцию обращений могут выполнять и словоформы, конкретно не называющие лицо, а лишь указывающие на какие-либо его признаки; это могут быть слова различных частей речи в различных грамматических формах: *Тут неожиданно до нас доносится приказ, усиленный мегафоном на всю Тверскую: «На монепе! Справа остановитесь!»* («Столица», 09.02.1997); *Ты чего, ушастый, обалдел что ли, куда так несешься-то?* (Д. Донцова); *Эй, лодку мне!* (Б. Акунин).

В качестве обращений могут выступать неодушевленные имена существительные: *Не валяй дурака, Америка...* (А. Шаганов); *Я, египетская пирамида, как сестре, тебе душу открою* (Е. Евтушенко). Подобные обращения представляют собой особый случай, всегда связанный с метафорическим или метонимическим переносом или олицетворением.

В предложении может быть указание на все три лица: *Я (1-е) тебе (2-е) его (3-е) клиента (3-е) после покажу (1-е)* (В. Пелевин), однако только одно значение может быть категориаль-

ным [4, с. 242] (в приведенном примере это 1-е лицо), поэтому следует различать основные и вспомогательные средства выражения дейктического значения 1-го и 2-го лица. Выделение основных средств выражения дейктического значения 1-го и 2-го лица обусловлено структурой предложения – его односоставностью/двосоставностью. Так, в двусоставных предложениях категориальным средством выражения дейктического значения 1-го и 2-го лица являются личные местоимения в форме именительного падежа: *Если б я был физически слабым – Я б морально устойчивым был, – Ни за что не ходил бы по бабам, Алкоголю б ни грамма не пил!* (В. Высоцкий); *Можно подумать, ты не носил офицерскую форму!* (М. Веллер), а в односоставных предложениях – формы косвенных падежей личных местоимений: *За это можно жизнь отдать. И до того я в это верю, Что трудно мне тебя не ждать Весь день, не отходя от двери* (В. Тушнова); *Ты молодой, здоровый – о чем тебе грустить?* (В. Пелевин) и формальные глагольные показатели лица: *Можешь демаскировать позицию, если кто сверху висит...* (М. Веллер).

Вспомогательные средства выражения дейктического значения 1-го и 2-го лица не связаны с выражением категориальной модели предложения, хотя ими, как и основными средствами, обозначается говорящий или собеседник. Например, в обеих частях сложного предложения *Но, слава богу, стал мой взор и пронизательней, и строже, и каждый вздох и каждый взлет обходится мне все дороже* (Б. Ахмадулина) вспомогательными средствами выражено дейктическое значение 1-го лица (*мой, мне*), однако категориальным дейктическим значением является значение 3-го лица (*взор, вздох, взлет*), в первой части сложноподчиненного предложения *Но, дорогой мой сосед, вся итука заключалась в том, что страх владел каждой клеточкой моего тела* (М. Булгаков) вспомогательными средствами выражено дейктическое значение 2-го лица (обращение *дорогой мой сосед*) и 1-го лица (включение в состав обращения притяжательного местоимения *мой*), а категориальным дейктическим значением является значение 3-го лица (*итука*).

Как было отмечено выше, если в предложении нет противопоставления говорящего собеседнику, то в нем выражается дейктическое значение третьего лица: *Он поступил в технический институт – не потому, понятное дело, что любил технику (его специальностью были какие-то*

электроплавильные печи), а потому, что не хотел идти в армию (В. Пелевин).

В двусоставных предложениях в выражении дейктического плана категории лица главную роль играет подлежащее. Значение 3-го синтаксического лица передается существительным: *Антирусский заговор, безусловно, существует – проблема только в том, что в нем участвует все взрослое население России* (В. Пелевин); местоимением: *Заготовив фразы к беседе, он постучал под табличкой «Отдел прозы» и водвинулся с почтительным полупоклоном* (М. Веллер); *Все были в длиннополых зеленых кафтанах, изрядно засаленных, только у конного кафтан был целый, а у пеших в дырках и заплатках* (Б. Акунин); *...доказательством была особая замысловатая уметость, с которой тот нацепил звезду героя на свою хламиду...* (В. Пелевин); количественно-именным сочетанием: *Три человека было на моем этаже, и еще двое внизу* (В. Пелевин); любым субстантивированным словом: *Все приезжие об этом знают* (Д. Донцова); *Капитан сделал знак рукой, и раскатистое «ура» стихло* (В. Пелевин); инфинитивом: *...для миллионов лучей это настоящая трагедия – начать свой путь на поверхности солнца...* (В. Пелевин). Важно, что при выражении значения 3-го лица в позиции подлежащего не могут быть персональные местоимения 1-го и 2-го лица.

В неопределенно- и обобщенно-личных односоставных предложениях дейктическое значение 3-го лица передается глаголом: *Говорили, что порошок, за грамм которого в Москве берут сто пятьдесят долларов, вообще никакой не кокаин...* (В. Пелевин); *Цыплят по осени считают* (пословица).

В назывных предложениях, утверждающих «бытие предмета / явления, которое может быть осложнено значением указания, эмоциональной оценки, волеизъявления» [2, с. 316], главный член, выражаясь именительным падежом имени или количественно-именным сочетанием, указывает на неучастника коммуникации, то есть передает дейктическое значение 3-го синтаксического лица: – *Весна...* – *молвил сосед, вздохом и паузой приглашая к беседе.* – *Нева, Зимний дворец...* – *Перевел взгляд на противоположный берег.* – *Знал Петр, где строить город* (М. Веллер); – *Вот и застава,* – *вздыхнул Майер, вынимая кожаный кошель, где хранились деньги на общие расходы.* – *Сейчас будем с таможенной торговаться* (Б. Акунин); *Мало того, что на щеках две намазанные зеленкой царапины, так подбо-*

родок черный и в волосах застрял кусочек яичной скорлупы. Какая гадость! Умыться, немедленно умыться (Б. Акунин).

Непротивопоставленность говорящего и собеседника (3-е синтаксическое лицо) выражается главным членом в форме независимого родительного падежа генитивных предложений: *Крику!.. Крику-то матерного, отборного!* – *другой раз за год столько не услышишь...* (Т. Толстая); *Сейчас там возводится город-рай...* *Никаких полицейских гонений, никакого общественного презрения, И никаких женщин,* – *лукаво улыбулся собеседник* (Б. Акунин).

По мнению В. В. Востокова, «дейктическое значение 3-го лица – принадлежность такой категориальной модели предложения, при реализации которой в составе главных членов предложения не обозначается ни говорящий, ни собеседник. Это значение, в отличие от дейктического значения 1-го и 2-го лица, в предложении не имеет специализированных показателей» [4, с. 243]. Позволим себе не согласиться с мыслью ученого о том, что дейктическое значение 3-го лица не имеет специализированных показателей. В. В. Востоков отмечает, что «нельзя считать специализированными показателями дейктического значения 3-го лица местоимение *он*, так как, во-первых, это местоимение по своему значению является скорее относительным или указательным, а не личным; во-вторых, местоимением *он* не обозначается участник ситуации общения (говорящий или слушающий). Этим местоимением может быть обозначен любой предмет. В тех случаях, когда местоимением *он* обозначается человек, человек этот не является ни тем, кому принадлежит конкретное высказывание, ни тем, к кому обращено высказывание» [4, с. 243]. По нашему мнению, аргументы В. В. Востокова как раз доказывают обратное: в предложении местоимение *он* служит показателем неучастия человека или предмета (в широком смысле этого слова) в акте коммуникации, это его основная функция, вследствие чего мы склонны признать местоимение *он* специализированным показателем дейктического значения 3-го лица.

Специализированным показателем значения 3-го лица следует признать и имя существительное, выполняющее функцию подлежащего: *Однажды во время прогулки Татарский остановился у закрытого на обед обувного магазина* (В. Пелевин), так как существительное-подлежащее всегда указывает на неучастника коммуникации. Причем не столь важно, активная

или пассивная это конструкция, поскольку субъектно-объектные отношения определяют агентивный, а не дейктический аспект реализации синтаксического лица. Ср.: *Этот термин* (объектное подлежащее выражает дейктическое предикативное значение 3-го лица) *употребляется нами* (субъектное дополнение выражает агентивное значение 1-го лица, то есть указывает на то, что производителем действия является говорящий) *не в негативно-оценочном смысле* (В. Пелевин) – *Но этот термин* (субъектное подлежащее выражает дейктическое предикативное значение 3-го лица и одновременно выражает агентивное значение, указывая на то, что субъектом действия является 3-е лицо), *если употребить его сразу, способен вызвать подозрения и страх* (В. Пелевин).

Категория синтаксического лица представляет собой систему, поэтому в одном предложении могут находиться сразу несколько показателей различных аспектов синтаксического лица: *Кажется, к его бокам были прижаты крылья* (В. Пелевин) – *кажется* (субъективный план, отмечающий говорящего), *его* (объективный план, дейктическое непредикативное значение 3-го лица, указывающее на неучастника коммуникации, *крылья* (объективный план, дейктическое предикативное значение 3-го лица, указывающее на непротивопоставленность говорящего собеседнику); *По-моему, ты что-то путаешь* (В. Пелевин) – *по-моему* (субъективный план, отмечающий говорящего), *ты и путаешь* (объективный план, дейктическое предикативное значение 2-го лица, указывающее на собеседника, агентивное значение 2-го лица, указывающее на определенность субъекта).

Все сказанное подчеркивает многоаспектность категории синтаксического лица и на вопрос, поставленный Н. Ю. Шведовой: «Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность?» [8], позволяет дать утвердительный ответ.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Бабайцева, В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке [Текст] / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2004. – 512 с.
3. Брызгунова, Е. А. Русская грамматика [Текст] : в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Ицкович и др. – Репринтное издание. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2005. – 712 с.
4. Востоков, В. В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / В. В. Востоков. – М., 2000. – 409 с.
5. Золотова, Г. А. Категория предикативности в отношении к форме и функции предложения [Текст] / Г. А. Золотова // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л. : Наука, 1971. – С. 33–34.
6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 512 с.
7. Химик, В. В. Категория субъективности в современном русском языке (эгоцентрический потенциал субъектных компонентов высказывания) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / В. В. Химик. – СПб., 1991. – 391 с.
8. Шведова, Н. Ю. Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? [Текст] / Н. Ю. Шведова // Русский язык: Избранные работы. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 143–153.